

(гл. IV). Можно сказать с полной уверенностью, что мимо этого наблюдения теперь не сможет пройти ни один исследователь, занимающийся Геродотом.

Последний и, пожалуй, наиболее важный вопрос, решаемый в рецензируемой книге, это вопрос о связи между литературным и научным стилем Геродота. Ведь речь здесь идет о законченном и в этом смысле едином произведении великого греческого писателя, завершившего своим трудом деятельность своих предшественников — логографов и открывшего новые перспективы для дальнейшего развития античной историографии. В живом и ярком повествовании Геродота различные приемы его работы органически слиты. При таких условиях не так-то легко расчленить это единство и установить связь между различными образующими его элементами. Но автор рецензируемой книги успешно и убедительно решает и этот важнейший вопрос своего исследования. В труде Геродота, по его мнению, мы последний раз в греческой исторической прозе встречаем новеллу, сохраняющую все особенности фольклорного стиля. Наряду с этим, мы находим у Геродота новеллы ужеинного типа, представляющие собой продукт разложения традиционной новеллы под влиянием научных запросов его времени и документальной прозы.

Прочитав книгу А. И. Доватура, ознакомившись с его приемами тонкого, вдумчивого и почти всегда убедительного анализа текстов, трудно не согласиться с этим главным его выводом. Выход в свет этой книги, безусловно, значительное событие в нашей научной жизни. Ее с одинаковым интересом и пользой для себя будут читать и историки и филологи.

Д. Каллистов

Книга А. И. Доватура — крупное событие в советской литературе об античности. Литература о Геродоте огромна, но труд «отца истории» ставит перед современными филологами и историками столь много и столь сложные вопросы, что большинство их остаются по меньшей мере спорными.

Как впервые было создано литературное произведение, положившее начало исторической науке, впервые оформившее ее логический и литературный стиль? Об этом кардинальном вопросе написано весьма много; сделано немало ценных наблюдений; А. И. Доватур, критически используя обширную литературу, сумел найти совершенно новые и весьма плодотворные подходы к решению этого вопроса. Исследователь в главе I «Генезис научного стиля греческой историографии» впервые выдвинул глубоко правильное утверждение, что греческая прозаическая письменность впервые появилась как письменность документальная, а не как позднейшая (конец VI в. до н. э.) литературная ионийская проза.

Исследование А. И. Доватура показывает, что труд Геродота действительно должен рассматриваться как первый в истории научной мысли исторический труд, качественно отличный от произведений логографов. Методологически совершенно правильно А. И. Доватур ставит вопрос о той социальной среде, в которой возник исторический интерес, оформившийся в историческую науку; это — городская среда, создавшая античную рабовладельческую демократию. Тем самым исследователь дает весьма важную характеристику культурной роли этой демократии, ее идеологии. Этому вопросу, в сущности, посвящена и глава II исследования «Социальная и политическая терминология Геродота».

Автор справедливо подчеркивает, что проблема социально-политической терминологии древнегреческих авторов едва только начинает изучаться. Для Геродота такие терминологические исследования несколько облегчаются благодаря наличию работы J. Powell «A Lexikon to Herodotus» (Cambr., 1938).

Автором убедительно показано, что слово «тиран» не было официальным титулом носителей соответствующей власти и что в законодательстве рабовладельческих демократий, начиная с V в. до н. э., оно стало термином с одиозным оттенком. Автор отметил, с другой стороны, что в ряде случаев тираническая власть в лите-

ратурных источниках VI—V вв. обозначается словами βασιλεύς, βασιλεία; это словопотребление автор, на мой взгляд, достаточно не разъяснил.

Думается, что здесь необходимо дальнейшее исследование; могу напомнить, что в демократическом словопотреблении V в. слово τυραννίς встречается в переносном значении и может иметь положительный оттенок. (Например, у Фукидида в речах демократических ораторов, у Гиппия Элидского по отношению к закону.) С этим, возможно, связана и характеристика сиракузских тиранов у Геродота, а также именование тиранов бацилеями; представление о бацилее, особенно о βασιλεία, не может быть характеризовано как нечто безусловно враждебное демократической идеологии второй половины V в. Горгий в «Паламеде» положительно характеризует политическое положение Афин в Элладе как βασιλεία πόλεων.

Постановка вопроса о социально-политической терминологии Геродота является крупной заслугой автора; можно только пожалеть, что этой проблеме автор уделил сравнительно мало внимания. Это тем более обидно, поскольку сам автор выдвигает еще одну важнейшую проблему, неразрывно, на наш взгляд, связанную с первой: «Следует заметить,— говорится в книге,— что, судя по полученным нами до сих пор результатам, государственно-правовые и юридические термины и технические выражения, по-видимому, в большом количестве отложились в труде Геродота, так что исследование его языка с этой точки зрения не может оказаться бесплодным. Такой задачи мы перед собой не ставим» (стр. 38). В свете этих слов задача главы II представляется неясной. В этой главе рассматриваются термины τυραννος, ἀνὴρ ἰγαθός, θῆς и θητεύω, λάτρις и λατρεύω; этих терминов недостаточно для решения поставленной в заглавии задачи, хотя, разумеется, развернутое решение увело бы А. И. Доватура далеко за пределы и темы и объема книги. Рассматриваемая глава обосновывает вывод: «Историография, как показывает пример Геродота, подчинилась официальной афинской (только ли афинской?) терминологии» (стр. 64). Вполне ли обосновывает? — спросим мы; на данном уровне знаний о политической терминологии классической Греции, последним достижением которых является рассматриваемая книга, вышецитированный вывод можно считать обоснованным достаточно. Но в поле зрения исследователя все время должен быть вопрос о том, что не только политическая терминология древнегреческой демократии, но и сама политическая идеология этой демократии до сих пор остаются проблемами мало исследованными. В своем глубоко содержательном анализе приемов творчества Геродота автор делает ряд чрезвычайно ценных наблюдений над элементами демократической идеологии в труде «отца истории».

Если теперь, после появления книги А. И. Доватура, важным источником труда Геродота мы должны считать документальную прозу (не только в смысле литературного стиля), то другим важнейшим источником, как это уже давно отмечено, был устный рассказ, получивший как элемент исторической традиции достаточно устойчивую форму и содержание и отлившийся в форму новеллы у Геродота. А. И. Доватур дает насыщенную конкретным материалом характеристику геродотовских новелл, ставит вопрос о социальных и политических корнях этого жанра, полагая, что в своем подавляющем большинстве они отражали интересы руководящих слоев города; вместе с тем новелла «была формой, которой пользовались разные, сменявшие друг друга и борвавшиеся друг с другом идеологические течения» (стр. 145). И здесь Доватур вполне оригинален, три главы о новелле являются бесспорным вкладом в науку, несмотря на то, что о новелле у Геродота существует большая и содержательная научная литература.

Но вместе с тем нельзя не пожалеть, что автор не делает попытки оценить содержание отдельных новелл с точки зрения отражения в них социальной и политической мысли, характерной как для городских слоев, так и для Геродота. При чтении глав III и IV создается впечатление, что автор не находит в труде Геродота синтетического начала, объединения сообщаемого материала вокруг основных идей. Автор говорит, что Геродот преимущественно кумулирует новеллы, включает их в свое повествование вместе с содержащейся в этих новеллах, как автор выражается, философией. Он отводит от себя уже давно выдвинутый в литературе вопрос о влиянии софис-

тов на Геродота, ибо, как автор правильно замечает, самые понятия «софисты», «софистика» не вполне ясны; тем более было бы важно, чтобы исследователь высказался по поводу этой проблемы.

Блестящий филологический анализ геродотовых новелл, проводимый автором в связи их с древнегреческой новеллистикой вообще, обходит, как правило, вопрос о содержащейся в новеллах теоретико-политической мысли; лишь иногда автор делает в этом направлении ценные замечания, как, например, по поводу высказывания Кира о политическом быте греков (стр. 72), или об описаниях военных сцен у Геродота (стр. 78). С другой стороны, чрезвычайно характерный рассказ о советах Креза Киру (Herod. I, 154 сл.), как лишить лидийцев воинственности, столь живо напоминающий теоретико-политические дискуссии о роли воспитания в связи с проблемой φύσις и νόμος, А. И. Доватур трактует только как «местный, лидийский. Тема его: свергнутый Крез спас свой народ от гибели тем, что направил его на мирные занятия, которые и поныне заполняют его существование; вспомним о роли лидийцев в истории музыки...» (стр. 88). Подобным образом представляется неполной, а потому неверной, характеристика рассказа Геродота о беседе Бианта Приенского с Крезом о морском могуществе островитян, о совете Бианта ионийцам переселиться в Сардинию и основать там одно государство, равно как о совете Фалеса ионийцам объединиться в одно государство у себя на родине. Во всех этих λόγοι содержатся элементы политической теории демократии, широко отраженной в литературе V в., у Протагора, Горгия, Псевдо-Ксенофонта, Фукидида, Лисия и др. Думается, что включение в анализ новелл момента политической идеологии могло бы существенно дополнить анализ круга идей самого Геродота, как представителя только что возникшего гуманитарного знания. А. И. Доватур выделяет только три категории λόγοι, которые «отличаются тем, что имеют в виду не тот или иной исторический момент или событие, а обобщение более широкого характера и иногда дают рецепты для устранения политических зол» (стр. 137).

Сущность советов Бианта и Фалеса автор резюмирует так: «На покорение Ионии персами греческая мысль реагировала созданием рассказов о советах мудрецов покончить с политической раздробленностью Ионии» (стр. 137). Но ведь здесь выдвигается политическая теория, до сих пор наукой об античности не учитывавшаяся, прямо противоположная теории полиса; во всяком случае, в логосе о Бианте и Фалесе затрагиваются политические мотивы, уводящие далеко за эпоху греко-персидских войн.

В трактовке новелл о Деиоке и о диспуте трех персидских вельмож автор вплотную соприкасается с проблемой политической мысли V в., но в своем анализе всей значимости этой проблемы не учитывает. Новелла о Деиоке трактует не только проблему происхождения монархической власти, но шире — возникновения государства вообще. Эту новеллу необходимо сопоставлять с фрагментами Протагора, Горгия, Антифонта, с исторической и политической теорией у Фукидида. Здесь, так же как и в диспуте трех персидских вельмож, мы сталкиваемся не только с политической спекуляцией, но с разработкой политической теории уже в научной литературе, а не только в устных рассказах, новеллах *sui generis*. Сам автор в этом пункте обнаруживает колебания. По поводу выделенной им категории λόγοι он говорит: «Так любой из приведенных выше λόγοι рассматриваемой здесь категории изобличает реальные познания своих создателей и среды, в которой эти λόγοι бытовали» (стр. 144), автор говорит о существовании «особой категории „научных“ новелл, предшественниц научной прозы» (стр. 142).

Остается неясным, как связывает автор начало научной прозы с научным стилем Геродота; он отстраняет вопрос о роли «софистики» в развитии научной прозы, ограничиваясь замечанием, что «специфически софистических выводов в новеллах (и у Геродота) нет» (стр. 143). Признаваемая автором в данном пункте неясность зависит, как кажется, от того, что автор не остановился на том, в чем заключается специфика софистической аргументации.

Отметим, что политическая теория играла, очевидно, крупную роль в формировании научного стиля Геродота; значение же «софистической» литературы в развитии политической мысли было весьма велико. Но сам вопрос о политической мысли V в. остается в значительной степени открытым. Вполне естественно поэтому, что

исследовательское внимание А. И. Доватура было лишено возможности охватить и это поле. Думается, что та «расплывчатость» понятия «софистика», на которую указывает А. И. Доватур, зависит от искусственности и самого термина и понятия.

Однако исследование А. И. Доватура в высокой степени содействует дальнейшей работе над политической теорией V в. Выше уже были отмечены некоторые ценнейшие наблюдения А. И. Доватура над элементами политической теории демократии у Геродота, число которых можно было бы значительно умножить.

Завершающая V глава исследования «Стиль новеллы у Геродота» с предельной убедительностью показывает характер авторской работы Геродота, который выступает именно как историк, обрабатывающий свои первоисточники — новеллы. «Направляющей линией в истории Геродота в том виде, в каком мы читаем ее сейчас, — говорит А. И. Доватур, — является исследовательский интерес» (стр. 151), и автор доказывает это, мастерски воспроизводя перед читателем процесс пронизывания Геродотом богатейшей и пестрой массы новелл парантезами, учеными комментариями. Не нагромождение занимательных рассказов увлекает Геродота, но провозглашение ряда политических и этических идей о *φθινός θεῶν*, о предопределенности судеб человечества, или, напротив, о мощи человеческой воли и др. Проблему выяснения мировоззрения Геродота А. И. Доватур перед собой не ставил. Но его превосходное, высокоэрудированное исследование открывает новые пути к изучению любой стороны труда Геродота.

А. Бергер

КСЕНОФОНТ ЭФЕССКИЙ, *Повесть о Габрокоме и Антии*, перевод с древнегреческого С. Поляковой и И. Феленковской, ГИХЛ, М., 1956, 78 стр.

С выходом в свет перевода романа Ксенофонта Эфесского читатели получили русские переводы всех дошедших до нас греческих романов¹. Правда, три из них вышли уже более 20 лет назад и являются в настоящее время библиографической редкостью. А между тем, этот жанр античной литературы заслуживает большого внимания современного читателя и исследователя.

Перевод снабжен предисловием и краткими примечаниями, поясняющими встречающиеся названия местностей, имена богов, упоминания о древних обычаях и т. п. и комментирующими некоторые неясности в тексте.

Об авторе романа, Ксенофонте Эфесском, нам ничего не известно, и некоторые выводы можно сделать только на основании изучения текста романа. Последний позволяет установить приблизительно время и место жизни писателя и дает представление о его воззрениях. С. Полякова присоединяется к мнению тех исследователей, которые называют Ксенофонта Эфесского уроженцем Эфеса и временем написания романа считают II в. н. э. Возражать против этого не приходится, роман, действительно, не дает материала для других заключений.

С. Полякова высказывает также ряд верных наблюдений над воззрениями Ксенофонта Эфесского и его социальными устремлениями. Утрата политической независимости Грецией была причиной коренных изменений в идеологии греческого гражданства. С этим связан отход граждан от участия в общественной деятельности, ограничение их интересов узкими рамками личной жизни, пессимизм и деморализация.

Автор предисловия справедливо считает, что «роман Ксенофонта утверждал для опустошенного и выбитого из колеи читателя наличие новых, доступных ему ценностей — самоотверженной любви, верной дружбы и, в известной мере, надежной религии» (стр. 8). Ксенофонт посвящает роман прославлению супружеской любви, основанной не

¹ Ахилл Татий Александрийский. *Левкиппа и Клитофонт*. Пер. А. Б. Д. Е. М., ред. Богаевского, М., 1925; Гелиодор. *Эфиопика*. Пер. А. Егунова, М.—Л., 1932; Лонг. *Дафнис и Хлоя*. Пер. С. П. Кондратьева, М.—Л., 1935; Харитон. *Повесть о любви Херея и Каллирои*. Пер. и комм. акад. И. И. Толстого, М.—Л., 1954.